

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Предисловие // Фрей А. Грамматика ошибок. М.: УРСС (КомКнига), 2006. С. 8-12.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 204 с.
3. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука. 1981. 277 с.
5. Земская Е. А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2004. 240 с.
6. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке; пер. с нем. и вступ. ст. О. А. Костровой. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. 308 с.
7. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2005. 336 с.
8. Мартине А. Основы общей лингвистики: пер. с фр. М.: УРСС, 2004. 228 с.
9. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
10. Пономарева О. Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками): монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 164 с.
11. Пономаренко Е. В. О развитии системного подхода в лингвистике // ФН. 2004. № 4. С. 24-33.
12. Словарь лингвистических терминов / гл. ред. О. С. Ахманова. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.
13. Химик В. В. Предисловие // Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. С. 5-10.
14. Horn L. Economy and redundancy in a dualistic model of natural language // SKY: The Linguistic Association of Finland, 1993. P. 31-72.

О. Б. ПОНОМАРЕВА

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО/ НРАВСТВЕННОГО ИМПЕРАТИВА В КОНЦЕПТОСФЕРЕ УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются лингвокогнитивные модели экологического и нравственного императива, лежащие в основе всего творчества У. Блейка и, в частности, в его «Прорицаниях Невинности». Когнитивно-ассоциативные схемы этих императивов включают необходимость гармонии между Природой, Человеком, Обществом и Вселенной.

SUMMARY: This article deals with the linguocognitive models of ecological and moral imperative, as the basis of W. Blake's literary, artistic and philosophical outlook, especially in "the Auguries of Innocence". Cognitive-associative schemes

of these imperatives comprise the necessity of Harmony between Nature, Man, World and Eternity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экологический и нравственный императив, эколингвистика, макро- и микролингвистика, концептосфера, лингвокогнитивные модели, гармония.*

KEY WORDS: *ecological and moral imperative, ecolinguistics, macro and microecolinguistics, conceptsphere, linguocognitive models, harmony.*

Осознание феномена эколингвистики невозможно без рассмотрения современных философских взглядов на существующие экологические проблемы. Именно развитие философской мысли, ее неоклассичность дает ключ к пониманию эколингвистики в цепочке экологизации и энвайроментализации научного знания на пути к системному (холистическому, синергетическому) повороту в науке в условиях построения новых философских систем и парадигм мышления [Haugen, 2001: 57-66, Полухин, 2008:7].

Эколингвистику подразделяют на **макро** — и **микроэколингвистику**. **Макроэколингвистика** сосредоточивает основное внимание на вопросах общественной, государственной, региональной и мировой значимости (эколингвистические аспекты глоттотаназии, языкового геноцида, языковых конфликтов, языковой политики и языкового планирования и т. д.). **Микроэколингвистика** предполагает выдвижение на первый план исследования речевых и языковых фактов с учетом факторов эколингвистического порядка с привлечением концептуальных аспектов теории языковых контактов, социолингвистики, социокультурной антропологии, психолингвистики [Молодкин, 2003: 5].

В. Ф. Нечипоренко включает в эколингвистику биолингвистику: «Эколингвистика [...] подчиняет себе биологическую лингвистику и рассматривает последнюю как один из ее внутренних взаимоувязанных компонентов». Под биолингвистикой автор понимает «науку о взаимоотношениях, взаимосвязях материального и духовного (психического) начал в человеческом организме». Объектом биолингвистики является «человек как биологическое и [...] общественное существо, непрерывно подвергающееся влиянию двух сфер: земной и внеземной — космической», а ее целью служит «познание биологических и социальных основ функционирования памяти, мышления, языка и речи» [Нечипоренко, 1998: 74].

Экологизация научного знания есть закономерный процесс в формировании экологического мышления, сутью которого является сознательная «подстройка» действий Человека под законы Биосферы («**экологический императив**» Н. Н. Моисеева). «Складывающуюся глобальную ситуацию можно назвать **Эпохой Великого Эволюционного Перехода**», которая есть «переход от стихийной логики развития» к «управляемой социоприродной (социобиосферной) или ноосферной эволюции» [Субетто, 2007: 10].

Н. Н. Моисеев понимает **экологический императив** как некоторое множество свойств окружающей среды, изменение которых человеческой деятельностью недопустимо ни при каких условиях. В то же время **нравствен-**

ный императив понимается как обновленная нравственность, заслоняющая людей от опасностей социального порядка. **Экологический и нравственный императивы** — это органические составляющие стратегии человечества нового типа, перехода от техногенной, в том числе информационной цивилизации к антропогенной цивилизации, где основной ценностью является человек (а не техника) [Моисеев, 1999, Канке, 2005:312].

Таким **экологическим и нравственным императивом** является творчество У. Блейка — синтезом философии, поэзии и живописи, отражающим мучительные духовные искания этого поэта-философа. Его «Песни Невинности и Опыта» — это попытка показать два противоположных состояния души человеческой, перипетии человеческого духа. Земная жизнь по Блейку есть путь из Вечности и обратно в Вечность. Эта христианская концепция сменяется «натуралистической», он видит достижение полной гармонии духовного идеала в земной реальности. Жизнь может быть идеальной и на земле, не обремененной «духовными оковами». Мир задуман как совершенный, но дух человеческий пребывает в тенетах лжи и притворства и задача Поэта и пророка показать путь к освобождению духа. По Блейку истинная духовность заложена в самой Природе, его «Песни Опыта» воспевают поруганную, но не убитую красоту земной жизни, «все живое — священо», материальный мир самодостаточен и самоценен. Идеалами Блейка последовательно становятся **внутренняя гармония**, лишенная всяческого материального воплощения **духовность**, противоположная всему плотскому. Эти стремления и идеалы не нашли поддержки в его время, но были подхвачены течением Романтизма и пре-Рафаэлитами, которые провозглашали возвращение к Природе, воспевание ее философской и эстетической ценности. Именно пре-Рафаэлиты открыли обществу красоту дикой природы, описывали ее с большой любовью и достоверностью. Они пытались найти гармонию природы и человека, говоря о том, что природа прекрасна и человек прекрасен тогда, когда он с ней сливается, являясь ее частью [<http://forum.stirpes.net/arts/2476-tenets-romanticism.html>].

Примером провозглашения такой гармонии как нравственного и экологического императива в философской концепции Блейка может служить стихотворение «AUGURIES OF INNOCENCE» «ПРОРИЦАНИЯ НЕВИННОСТИ». (an augury, 1 an omen. 2 the interpretation of omens — **The Compact Oxford English Dictionary**)

AUGURIES OF INNOCENCE

*To see a World in a grain of sand,
And a Heaven in a wild flower,
Hold Infinity in the palm of your hand,
And Eternity in an hour.*

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка (пер. С. Маршака)*

В первом же четверостишье утверждается необходимость видеть неразрывное единение Природы и Духа, мгновения и Вечности (зерно песка — часть целого мира, чашечка цветка — как части бесконечной вселенной). Метонимическая модель «Часть — целое (природа — мир, небо, вечность» является доминантой первой части поэмы и вербализирует концептуальную связь, существующую в устройстве вселенной, состоящей из мгновений, частичек песка, отдельных цветов, частей человеческого существа.

В работах Е.С. Кубряковой метонимия рассматривается как важнейший **когнитивный принцип**, на основе которого формируются познавательные категории человеческой ментальности и собственно грамматические категории. Согласно этому принципу, тот или иной аспект явления действительности, та или иная его часть может представлять целое и наименование отдельной части явления может служить именем для целого [Кубрякова, 1999:7]. (Например, части растения отражены в листе, корне, семени). Дж. Лакофф определяет метонимическую когнитивную модель как структуру, между элементами которой существует отношение замещения (Lakoff, 1980:78). Эта модель основана на взаимодействии фреймов, репрезентирующих в нашем сознании конвенциональное осмысление событий. Метонимическая когнитивная модель события представляет собой такую структуру, в которой субфрейм замещает фрейм на основе когнитивной операции **профилирования**, т. е. мысленного выделения на фоне фрейма. Она объективируется в использовании глагола, обозначающего событие, репрезентируемое субфреймом, для номинации события — предмета мысли (события-мишени). Обобщенная метонимическая модель «субфрейм — фрейм» реализуется в ряде специальных моделей, различающихся по типу терминала, в который входит профилируемый субфрейм. Например, причина/условие — событие — мишень.

По У.Блейку боль или вред, причиненный любому живому существу в природе ведет к разрушению и катастрофе. Живые существа, относящиеся к миру природы (снегирь, голубь, жаворонок, собака, лошадь, петух, волк, лев, ягненок, олень, сова, летучая мышь), живущие в неволе, подвергающиеся насилию со стороны человека и общества в целом нарушают гармонию мира, приносят несчастья, катастрофы, гибель, пролитие крови, раздор в обществе, гnevят небеса, неверие, ужас, потерю близкого человека, утрату любви. Метафорические модели противостояния природы и человеческого общества, нарушающие экологическое равновесие и нравственные законы, далее подчеркивают и усиливают необходимость единения природы и человечества. Гиперболическое нагнетание несчастий, вызванных жестоким обращением к любому живому существу, вплоть до мушки и комара подчеркивается антитезой и параллелизмом в построении синтаксических конструкций стиха.

A robin redbreast in a cage

Puts all Heaven in a rage (птица в неволе-Небо в гневе)

A dove-house fill'd with doves and pigeons

Shudders Hell thro' all its regions (голуби в клетке- адская катастрофа)

A dog starv'd at his master's gate

Predicts the ruin of the State (голодная собака- предсказание гибели государства)

A horse misus'd upon the road

Calls to Heaven for human blood (муки лошади-пролитая людская кровь)

The lamb misus'd breeds public strife,

And yet forgives the butcher's knife (плохое обращение с ягненком- вызывает раздор в обществе)

Kill not the moth nor butterfly,

For the Last Judgement draweth nigh (не убивай мошку или бабочку — или наступит конец света)

Последняя часть поэмы утверждает необходимость соблюдения **нравственного закона в обществе**, приносящего гармонию, любовь, сочетание радости и печали, света дня и ночи, человеческого и духовного. Блейк осуждает зло, клевету, зависть, наглядно создает образы зла и добра, создает ассоциативную цепочку противостояния зла и добра, света и тьмы. Нравственный и экологический императивы не противостоят друг другу, а образуют общее концептуальное пространство, общую концептосферу.

Лексический тезаурус данного поэтического текста вовлекает в сложные родо-видовые отношения концепты **Природы (Nature), Общества (World), Ада (Hell) и Рая (Heaven), Вечности (Eternity), Вселенной (Infinity)**, переданные с помощью микроконцептов **неволи, голода, жестокости, причинение боли, ран и смерти** по отношению к миру природы, т. е. птицам, животным, насекомым, выступающим антитезой микроконцептам **гнев Небес, гибель Государств, омрачение солнечного восхода, лишение любви, раздоры в обществе, горе, разрушения, проклятье Небес**. В основе этой антитезы лежат процессы **семантической деривации, семантических сдвигов и метафорического употребления** большинства слов указанных тематических групп, создающих символическое предсказание гибели человечества и вселенной, при нарушении экологического императива, и как следствие нравственного императива, призывающего к гармонии человека и общества с природой, утверждение библейских истин уважения и почтения к труду, добру, искусствам и осуждения войн и вражды: ("*The lamb misus'd breeds public strife,/ and yet forgives the butcher's knife.*" "*The beggar's dog and widow's cat,/ Feed them and thou wilt grow fat.*", "*Give and it shall be given unto you*" (Luke 6:38; "*When gold and gems adorn the plow,/ To peaceful arts shall envy bow.*". "*The lamb misus'd breeds public strife,/ and yet forgives the butcher's knife.*" "*The beggar's dog and widow's cat,/ Feed them and thou wilt grow fat.*", "*Give and it shall be given unto you*" (Luke 6:38). "*When gold and gems adorn the plow,/ To peaceful arts shall envy bow.*". "*Beat your plowshares into swords, and your pruning hooks into spears.*")

Когнитивно-ассоциативную схему (КАС) этих императивов можно представить с помощью следующих основных лингвокогнитивных моделей:

1. Природа — часть Мира — Вселенной-Рая-Ада.

2. Неволя, угнетение, жестокость к Природе и ее существам вызывает гнев Небес, горе, разрушение, смерть человечества, Ад.

3. Насмешка, сомнение, неверие — проклятие, гибель для человечества, государства.

4. Насилие над животными — потеря любви ближнего.

5. Слеза ребенка — проклятие и смерть.

6. Бедность, проституция, разврат — гибель нации, государства.

7. Свет/Тьма — радость/горе.

Сопоставляя идеи У. Блейка с современными теориями экологии, эколингвистики, можно найти отклик в ноосферной концепции Вернадского, в которой мир — иерархия взаимодействий, где каждому уровню присущи специфические механизмы коммуникации. Развитие эколингвистики происходит в рамках становления **ноосферного знания**, будущее эколингвистики неразрывно связано с возникновением общественного экологического самосознания. **Ноосферное знание** представляет собой условное обозначение интегративных тенденций в современной науке в решении общей проблемы «человек — природа» [Черникова, 2001: 340].

Имеет место определенная концептуальная аналогия изоморфной природы — ментальная семиосфера аналогична семиосфере физического мира. Следовательно, принцип концептуальной аналогии приложим к познанию структуры внешнего телесного (физического) мира и структуры социальной организации человека. (Лингвистика и аксиология, 2011:82). **Ноосферное знание** — это новое представление отношений «человек — природа», возникающее на стыке науки, философии, психологии, в котором образ мира задается вместе с человеком, включенным в природу как самоорганизующуюся целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канке В. А. Философия. М.: Логос, 2005. 375 с.
2. Кубрякова Е. С. В защиту когнитивной лингвистики // Известия РАН, СЛЯ. 1999. Т. 59. № 6. С. 85-91.
3. Моисеев Н. Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 3-10.
4. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
5. Молодкин А. М., Максимова С. Ю. О некоторых эколингвистических подходах к исследованию вопросов языковых контактов и языковой эволюции // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. Межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. М. Молодкина. Саратов: Научная книга, 2003.
6. Нечипоренко В. Ф. Лингвофилософские основы эколингвистики. Калуга: Калужская облорганизация Союза журналистов России, 1998.
7. Полухин А. А. Современное языкознание и экологическое мышление // Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии: Научное издание / сост. Н. М. Димитрова. СПб.: РИО ГПА, 2009.
8. Субетто А. И. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества (научный доклад на Первом Ноосферном Северном Форуме, С.-Петербург, 20-24 ноября 2007 г.). Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007.
9. Черникова И. В. Философия и история науки: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2001.

10. Blake W. Songs of Innocence and Experience. St. Petersburg, Azbooka- Klassika, Publishing Group, 2009. 272 p.
11. Haugen E. The Ecology of Language // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Edited by A. Fill, P. Mühlhäusler. London, New York: Continuum, 2001. P. 57-66.
12. Lacoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. 154 p.
13. <http://forum.stirpes.net/arts/2476-tenets-romanticism.html>.

Н. В. РАЗУМКОВА

РУССКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЦВЕТА В ПОВЕСТИ ДЖЕКА ЛОНДОНА «АЛАЯ ЧУМА» (к 100-летию книги)

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена изучению проблемы межъязыковых соответствий цветовых слов в английском художественном тексте и его русскоязычном варианте. В центре внимания находится контрастное сопоставление функциональной нагрузки обозначений красной гаммы.*

SUMMARY: *This paper is devoted to studying the problem of equivalency of color word in English literature text and its variant in Russian language. Attention is paid to special emphasis on red color lexical group.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *автор, Джек Лондон, интерпретация, концепт, переводчик, рецепция, символика цвета, эквивалентность.*

KEY WORDS: *author, Jack London, interpretation, conceptual expression, translator, perception, color symbols, equivalence.*

Цель статьи — проследить на основе взаимодействия визуального и вербального кодов поведение концепта ‘цвет’, который на уровне локальных единиц высвечивает глобальные идиологемы эпохи. Предметом анализа является символично-семантическая парадигма цвета в англоязычном художественном тексте, ее рецепция в русской переводческой традиции. Перекодирование мира литературного произведения представляет собой сложный творческий процесс, где основная задача переводчика (она совпадает с авторской интенцией) — вызвать у читателя экспрессивно-оценочные реакции. Поиск единства цветовых атрибутов, обладающих многоплановой семантикой и высоким ассоциативно-символическим потенциалом, всегда осложнен рядом факторов, на которых мы остановимся.

Прежде всего, несколько общих соображений относительно места цветовых концептов в языковой картине мира (ЯКМ). Триада ‘бело-черно-красное’ выступает как универсальный символ культуры, полярно моделирующий пространственно-временной космос человека: жизнь / смерть, небо / земля, добро / зло etc. Бинарная оппозиция ‘белый / черный’ первична: изначально человеческая жизнь регулировалась двумя факторами — дневным светом и ночной тьмой. Свет ассоциировался с активной деятельностью и солнечным светом,